

© 2020 г.

П.Н. КОНДРАШОВ

ПОСТКАПИТАЛИЗМ КАК ОБЩЕСТВЕННАЯ INTER/TRANS-ФОРМАЦИЯ

КОНДРАШОВ Петр Николаевич – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия (pnk060776@gmail.com).

Аннотация. Статья продолжает дискуссию о посткапиталистическом будущем, размышления о котором являются необходимой частью критического анализа современного капитализма. Сегодня при прогнозировании необоснованно экстраполируют рост креативного класса, увеличение свободного времени и творческой деятельности, достигаемых за счет тотальной роботизации, не на переходный период, а на само «царство свободы». Автор показывает, что такая экстраполяция преждевременна. Сегодня в «локусах» наиболее развитых стран разворачивается длительный переход (inter/trans-формация) от вторичной общественной формации к формации третичной (а также от капиталистического способа производства к коммунизму), в котором ведущей деятельностью станет творчество, что приведет к формированию новой социальной структуры, характеризующейся неравенством между персоналиатом (креативным классом) и имперсоналиатом. В этой inter/trans-формации будут наблюдаться такие явления, как зависимость от smart-машин, одностороннее (интеллектуальное, духовное, когнитивное) развитие личности, отсутствие человеческих отношений, экзистенциальная пустота.

Ключевые слова: посткапитализм • общественная формация • inter/trans-формация • персоналиат (креативный класс) • имперсоналиат • творческая деятельность • «умные» машины • социальные противоречия • царство свободы • самореализация

DOI: 10.31857/S013216250008524-9

Посткапитализм на горизонте? В современной России в последние годы заговорили о посткапитализме. Если интерес к марксизму и Марксу возродился в результате разворачивания глобального структурного кризиса неолиберального капитализма, начавшегося осенью 2008 г., то обращение к тому, что будет после капитализма, – веяния последних лет.

Положительно здесь то, что марксистские социальные исследования, во-первых, перестали быть «оправдывающимися»; во-вторых, перешли от абстрактного отрицания современного капитализма, которое никого не устраивает, к изучению реальных процессов и отношений (что характерно для классического марксизма); в-третьих, – и это нам представляется важнейшим – марксизм вернул себе социально-критическую освободительную функцию. Задачами такой освободительной социальной науки, как ее определял Э.О. Райт, являются: «1) осуществление систематической диагностики и критики

Автор выражает благодарность за конструктивные замечания, которые позволили значительно углубить содержание представленной концепции переходной inter/trans-формации, доктору социологических наук Ю.В. Латову (Москва), кандидату политических наук Д.А. Давыдову, кандидату политических наук В.С. Мартыанову и доктору политических наук Л.Г. Фишману (Екатеринбург).

существующего мира, 2) прогнозирование жизнеспособных альтернатив и 3) разработка теории трансформации. Первая из этих задач говорит нам, почему мы хотим покинуть мир, в котором мы живем; вторая – куда мы намереемся идти; и третья – как добраться отсюда туда» [Wright, 2008: 2].

Если с решением первой из этих задач современные марксисты (и многие обществоведы-немарксисты) справляются успешно, по поводу третьей возникают различные концепции как революционного, так и эволюционного перехода, то относительно второго пункта программы дело обстоит не так хорошо. Несмотря на то что в структуре марксизма как критической освободительной теории *положительное* содержание концепта коммунизма и перехода к нему занимает одно из центральных мест, у сегодняшних марксистов зачастую отсутствует четкое представление о том, «куда мы намереемся идти». В марксистских текстах большей частью имеет место либо ориентация на самые общие (парадигмальные) характеристики будущего коммунистического общества, данные Марксом и Энгельсом, либо (как у сталинистов) – теоретическая реанимация различных форм «реального государственного планового социализма», либо откровенное признание того, что «мы не знаем, что такое коммунизм и как к нему прийти» (Дж. Холлоуэй), и это вообще то, во что «надо просто верить» (Ш. Сейерс). В этом отношении российские марксисты отличаются более конкретными концептуальными представлениями о посткапиталистическом будущем, которые продуцируются на основе анализа *конкретных экономических* (А. Бузгалин, М. Делягин, А. Колганов, Г. Цаголов), *социальных* (Д. Давыдов, А. Коряковцев), *политических* (Б. Кагарлицкий, Б. Славин), *культурных* (Л. Булавка, В. Межуев) ситуаций и тенденций.

На фоне этого в современной марксистской литературе появляются гипероптимистические оценки радикальных технологических прорывов (3D-принтеры, роботизация, «умные» (*smart*) машины, кухни, города), а также таких социальных и межличностных практик, тенденций и отношений, как расширение некоммуницизированной и неовещных «трещин» капитализма [Holloway, 2010], автономистская самоорганизация [Berardi, 2009], сетевые и коммуникативные сообщества [Dean, 2012], рост креативного класса [Бузгалин, Колганов, 2019; Florida, 2014] и доли нематериального труда [Gorz, 2003; Lazzarato, 2010], безусловный базовый доход. Все эти явления объявляются провозвестниками *наступающего «царства свободы»* и мыслятся как не имеющие никаких изъянов, а сами изъяны, иногда проявляющиеся в действительности, связываются с тем, что практики эти сегодня погружены в контекст капитализма, а потому и обнаруживают себя время от времени в отчужденных, извращенных, превращенных и превратных формах.

Да, говорят нам, сегодня некапиталистические тенденции еще встроены в механизмы капиталистического способа производства, в механизмы товарно-денежного обращения, отягощены различными формами отчуждения. Да, нас ждет трудный период перехода, но мы уже *видим «царство свободы»*, основанное на общественной собственности на средства производства, общественном характере присвоения, в котором полностью удовлетворены все материальные потребности, имеет место социальное равенство и подлинная демократия, отсутствуют экономические антагонистические классы, «умные» машины выполняют физическую и непривлекательную работу [Форд, 2016], а человеческие индивиды занимаются творческими видами свободной, неотчужденной деятельности, что приносит им удовольствие и ощущение полноты бытия.

В предлагаемой статье мы попытаемся показать, с одной стороны, что оптимистические прогнозы грядущего «царства свободы» основываются на некритическом анализе содержания творческой деятельности и результатов внедрения в повседневную жизнь новейших информационных технологий; с другой – что эксплицированные «моменты» будущего если и войдут когда-то в структуру «коммунизма», то не в ближайшем будущем и не в той форме, в какой они существуют сегодня. Посткапиталистические тенденции имеют место во всех сферах человеческой жизнедеятельности, но мы остановимся только на тенденциях социальных, межличностных и экзистенциальных.

Посткапитализм как *inter/trans*-формация. Под общественной формацией мы понимаем качественно целостную стадию общественной эволюции, которая характеризуется определенной степенью развития производительных сил общества и соответствующим этой ступени историческим типом экономических производственных отношений, которые в конечном итоге определяются ею. Общественные формации – достаточно *длительные глобальные* исторические периоды, в рамках которых существуют различные *способы производства*, характеризующиеся *относительно устойчивыми* экономическими, политическими, социальными, культурными, повседневными, духовными институтами и структурами, а также обладающие историческими, национально-культурными и региональными (географическими, природными) особенностями.

Закономерностью исторического процесса является *качественный* (революционный, скачкообразный) *переход* между способами производства и между формациями. При этом «революцию» в данном случае надо понимать не в политическом смысле (как смену классовую политическую надстройку), а как глубинную социально-экономическую структурную трансформацию, которая охватывает все без исключения сферы общественного и индивидуального бытия и сознания, базиса и надстройки. В силу этого межформационные сдвиги и переходы между способами производства – весьма длительные исторические периоды, характеризующиеся, в отличие от относительно устойчивых состояний формаций и способов производства, постоянно изменяющимися структурами, случайными отклонениями, альтернативными, боковыми, а то и тупиковыми тенденциями развития. Так, например, переход от феодализма к капитализму в рамках вторичной формации на уровне отдельных стран (социально-исторический «филогенез») происходил не менее века, а на уровне всемирно-историческом (социально-исторический «онтогенез») – около 500 лет, с XIV (возникновение первых основанных на наемном труде мануфактур в городах Италии) по XVIII–XIX вв. (промышленная революция в Европе и создание мирового рынка). Новый способ производства сначала возникает в структурах повседневности в конкретных локусах в «теле» ныне существующего способа производства. Эти локусы, постепенно разрастаясь, разрушают старую и в конце концов конституируют новую органическую целостность – новый способ производства или новую общественную формацию.

Содержательно любой такой период представляет собой, во-первых, *качественный переход, трансформацию (trans-)* от одного состояния к другому; во-вторых, он находится *между (inter-)* этими состояниями, объединяя в себе моменты и того, и другого состояний, одного и другого способов производства, умирающей и рождающейся общественных формаций. Поэтому представляется уместным ввести в научный оборот термин *inter/trans-формация*, которым мы обозначим длительный переходный период от одной формации к другой, в его структурах содержатся элементы обеих формаций, что с необходимостью ведет к рассмотрению этого периода как внутренне двойственного, амбивалентного.

Посткапитализм, о котором мы будем говорить ниже, как раз представляет собой такую *амбивалентную inter/trans-формацию*, с одной стороны, от вторичной формации к третичной, а с другой – от позднего капитализма к коммунизму.

Реально существующий капитализм и представления о будущем. Наши представления о *позитивном содержании* будущего общества большей частью определяются состоянием социума, его структурой, техникой, социальными нормами и институтами, которые имеют место в данный конкретный момент. Так, социальная структура будущего идеального государства мыслилась Платоном в свете государственного устройства Спарты его времени. Поскольку основоположники марксизма имели дело 150 лет назад с *индустриальным обществом*, то, соответственно, и *переходный период*, и даже *будущий коммунизм* мыслились ими как *продолжение индустриального общества в форме диктатуры пролетариата*, поскольку именно он был тогда ведущей субъектной производительной силой общества.

В наши дни посткапитализм мыслится, исходя из фактичности *современного капитализма*. Вместе с развитием капиталистического общества, его внутренними динамическими и структурными изменениями *меняется и само представление о содержании*

того будущего, которое из него вырастет. Достаточно вспомнить ленинское «коммунизм есть советская власть плюс электрификация всей страны», чтобы понять имманентную зависимость наших образов коммунистического будущего от уровня развития современных нам техники, технологий, общественных отношений и человеческой личности. Вполне возможно, сегодня многие скажут, что «коммунизм – это сетевая коммуникация плюс креативная экономика», а завтра – в свете растущих транс- и постгуманизма – и этого будет недостаточно. К. Маркс не мог, конечно, предполагать, что техника и технологии примут современные цифровые, сетевые и облачные формы (хотя и верно указал на общую тенденцию информатизации развития, когда наука станет главной производительной силой). Но он мыслил в категориях машинной техники, а потому и представление о коммунистическом будущем связывал именно с автоматизацией машинной индустрии (а отсюда – с пролетариатом, понимаемым в узком смысле).

С каждым новым переворотом в научно-технической сфере с неизбежностью будут меняться и наши конкретно-исторические представления о будущем обществе, поскольку будущее *вырастает из настоящего*. Поэтому задача состоит в том, чтобы выявить специфику современного (позднего, постиндустриального, когнитивного, коммуникативного, рентного, digital, супер- и т.д.) капитализма, а затем исследовать перспективы/тенденции, которые назревают в его развивающихся структурах.

Креативный класс и творческая деятельность. С точки зрения различных авторов, креативный класс (когнитариат, персоналиат, социалиат) сегодня в наиболее развитых странах занимает около 1/3 трудового активного населения, производит свыше 50% продукции, создает повестку дня, служит образцом для подражания и формирует общественное мнение. В силу этого тенденция увеличения креативной (т.е. свободной нематериальной инновационной) деятельности в структуре производительных процессов современного капитализма, который все более и более мыслится как когнитивный и цифровой, экстраполируется на будущее посткапиталистическое общество. Утверждается, что именно творческая деятельность и будет составлять основную форму занятости людей, наряду с перманентно растущим свободным временем [Бузгалин, Колганов, 2019]. Многие социологи вообще говорят о посткапитализме как *обществе без труда* (труд при этом понимается в смысле репродуктивной чисто физической работы) [Мартынов, 2017].

Несмотря на серьезные различия в определениях у разных авторов, основным показателем креативного класса является то, что его представители занимаются *творческими инновационными видами деятельности, творчеством*, направленным на создание новых технических, технологических, информационных, образовательных, культурных, художественных *продуктов, ценностей и нестандартных решений* [Florida, 2014]. При этом теоретиками господства креативного класса в настоящем (тем более в будущем) творческая деятельность мыслится, как правило, только в *позитивном* ключе как деятельность радикально свободная, человеческая, приносящая удовольствие, как полная реализация сущностных сил человека, как хобби и образ жизни, как самосовершенствование и нечто возвышенно-романтическое. Можно сказать, посткапиталистическое общество сегодня представляется как своего рода идиллия всеобщего творчества [Давыдов, 2020: 153].

Столь ли радужна перспектива господства креативных нестандартных личностей, живущих «на яркой стороне»? С учетом того факта, что *становящееся* посткапиталистическое общество будет нести на себе печать и пережитки общества капиталистического, то и творчество, хотя и освобожденное от буржуазных цепей и вынужденной коммодификации, тем не менее, длительное время будет внутренне противоречивым. Идеалистически-романтический взгляд на будущее креативной деятельности – одна сторона творчества и креативного класса. Но в аспекте *основной производительной силы* творчество – не только деятельность, в которой человек наиболее полным образом реализует свои сущностные силы, но также *причина новых противоречий и новых форм отчуждения*. Попробуем кратко рассмотреть эти проблемы в социологической перспективе.

Амбивалентность творческой деятельности и новая социальная стратификация.

Представляется, что доминирование в базисном воспроизводстве социального бытия творческой деятельности с неизбежностью обусловит формирование новой социальной стратификации, радикально отличающейся от классово-антагонистических структур и от структур первичной формации. Это приведет к неизбежному разделению общества на *персоналиат* (креативный класс) – личностей, обладающих творческими одаренностями/способностями, и *имперсоналиат*, представители которого ими не обладают. С известными оговорками такую специфическую форму неравенства можно сравнить с социальными статусами и ролями внутри *digital*-сообщества, а именно с неравенством между создателями программного обеспечения или компьютерных игр, с одной стороны, и пользователями/юзерами и геймерами – с другой. При этом, конечно, творцы в одной сфере могут быть обычными пользователями в другой, и наоборот. Более того, здесь само неравенство уже не предполагает непосредственных форм угнетения и эксплуатации.

Основными причинами появления такой новой формы социального неравенства (при предполагаемом равенстве возможностей в политической, экономической, гендерной и т.д. сферах) можно назвать две. Первая причина – различия в качествах и способностях отдельных людей. Когда сегодня говорят о *креативной личности*, то имеется в виду не совсем то, что мы называем личностью творческой. Креативность – это способность создавать совершенно новое, инновационное и при этом нестандартное, «прорывное». Например, есть множество замечательных музыкантов, совершенно не способных к сочинению музыки. Есть музыканты, способные к сочинению, чьи произведения не выходят за рамки определенной «парадигмы» (скажем, классического *Heavy metal*). Это – творческие люди. Но есть музыканты и композиторы, которые своей деятельностью не только воспроизводят наличную парадигму, но и создают совершенно новые музыкальные ходы, стили, жанры, новое звучание инструментов (например, «фуз» в хэви-метал), новые вокальные манеры (гроулинг, скриминг). А это – результат креативности, к которой пока способны не все.

Другой причиной является *сегрегированная сфера образования*, которая никуда не исчезнет вместе с капитализмом. Во все времена общество «отбирало» наиболее способных детей и создавало для них особые условия обучения. Прорывы в технологических, научных, спортивных, художественных и иных сферах невозможны без «селекции». При посткапитализме в этой сфере будет наблюдаться амбивалентность. С одной стороны, сохранится не-которая элитарность образования в виде пережитков классовых обществ, что сегодня проявляется весьма наглядно (элитарные школы, университеты). С другой – эгалитарные тенденции будут усиливать и уже усиливают открытость любых форм образования для всех. Более того, как показывает развитие неомарксистской педагогической мысли и практики (*critical pedagogy*), образовательный процесс радикально преобразуется из ныне доминирующей модели учитель/ученик, лектор/слушатель (педагогика угнетенных), в которой господствует дискурс навязывания знаний, в новую модель, где ученик становится активным участником процесса со-творения знаний. Представляется, что рост такой формы образовательного процесса со временем постепенно вытеснит и элитарные, и нивелирующие моменты, что действительно позволит в каждом ребенке открывать творческие и креативные потенции.

Пока сохранится деление на творческих и нетворческих работников, деятельность наиболее успешных и творческих личностей неизбежно будет приводить к обесценению трудовой и творческой субъектности всех остальных. Растущее высвобождение людей из сферы рутинного труда приведет к росту конкуренции в сферах творческой деятельности. Эти явления – наследие капитализма. И даже понимание творчества как созидания высококрейтинговых произведений – такое же наследие.

Если брать подход Маркса к этой проблематике, то у него творчество понимается в предельно широком смысле как *самоосуществление человека в мире (Selbstbetätigung)*, как деятельность, приносящая удовольствие, удовлетворение, радость себе и другим, повышающая доверительные отношения и внутригрупповую сплоченность, формирующая гармоничную солидарность, созидаящая человеческие общественные и межличностные

отношения. В такой перспективе неуместно рассматривать творчество как нечто, доступное только «великим». *Selbstbetätigung* имеет место как в высших видах творчества, так и в обычной, повседневной жизни: человек может реализовать себя не только в написании поэмы, создании новой супермашины, но и в банальном приготовлении пищи. Но чтобы творческая деятельность стала пониматься в *марксовом* смысле, она, конечно же, должна сбросить с себя все остатки буржуазности и моментов некоей борьбы, конкуренции, понимаемой в чисто рыночном смысле, когда победа одного зачастую влечет за собой гибель другого. Совсем другое дело – *творческое соревнование*, в котором «выигрывают все». Но это – выход за пределы посткапитализма.

Таким образом, креативно-личностная иерархия станет неизбежной формой социального неравенства, которое, в свою очередь, вероятнее всего, в той или иной степени ограничит различные формы социальной мобильности. В этом смысле популярные на Западе представления о посткапиталистическом обществе как радикально эгалитарном обществе сетевым образом взаимодействующих свободных творческих «креативщиков» – чистой воды утопии. В действительности, более вероятным оказывается появление нового общества с четкой стратифицированной структурой неравенства по «креативному» признаку, в котором будет иметь место социальная *борьба* – как *межклассовая* (между творческим классом и нетворческим), так и *внутриклассовая* (у персоналиата как борьба за общественное признание творческих достижений, за топовые места в рейтингах; у имперсоналиата – за возможность вырваться из обезличенности).

Зависимость от «умных» машин. Если « всю материальную работу » будут выполнять «умные машины», работа которых основана на анализе больших массивов данных, собираемых датчиками обо всем и вся, где здесь человек как *свободный субъект*, если он в своем базисном бытии напрямую зависит от работы машин, которые *принимают решения вместо него*? Например, казалось бы, весьма полезная вещь – *автомобильный навигатор*. Но если на таком *повседневном* уровне вместо нас будут *принимать решения* «умные машины», «умные кухни», «умные города», то в этой перспективе, за которую ратуют «технофилы» и многие марксисты, рассматривая ее как «*царство свободы*», *подчинение технике* будет куда *радикальнее*, нежели во времена Маркса или фордовского конвейера.

Индивиды в роботизированных системах будут следовать не столько собственному выбору, сколько *логике и алгоритмам smart-машин*, заложенным в них программистами. Такая ситуация приведет, во-первых, к потере субъектной способности к принятию решений; во-вторых, повысит возможности манипулирования; в-третьих, человек разучится действовать самостоятельно и свободно *чувственно-практическим образом*: «...современные технологи... все чаще заменяют человеческий опыт и знания «*дигитальным знанием*», когда нет необходимости думать в привычном для нас смысле слова, необходимо лишь действовать по заранее созданным алгоритмам. То есть в соответствии с ситуацией надо нажимать те или иные кнопки». Это – новая, «*дигитальная эпоха*», в которой разворачивается «новая форма отчуждения индивида и группы от глобальной «*машины*», производящей нужные власти-собственности алгоритмы их поведения» [Яницкий, 2019: 13].

Другой стороной тотального применения «умных» машин, автоматизации материального производства и порождаемого ими социально-творческого конфликта, а также полного материального обеспечения, станет возможность вообще «*ничего не делать*»: зачем работать, когда можно не работать? Эта логика – наследие общества, в котором труд – мучение, деятельность, от которой тошнит (Энгельс) и от которой бегут, как от чумы (Маркс). И в условиях рентного общества и обязательного безусловного дохода есть опасность появления нового *праздного паразитического класса* [Мартьянов и др., 2019: 333, 362].

Отсутствие человеческих отношений и экзистенциальная пустота. Самым важным «некоммунистическим» моментом нашего гипотетического посткапиталистического общества будет имманентная фрагментация и герметизация элементов социальной структуры, наблюдаемая уже сегодня в связи с широким распространением сетей и гаджетов. Социальные сети создают новые формы общения, способствуют повышению интерактивных

контактов, укрепляют внутригрупповую сплоченность и солидарность, но это только одна сторона информационной инфраструктуры. Другая сторона (и здесь мы не склонны видеть «обесчеловечивающее влияние капитализма») состоит в том, что одновременно с процессами интеграции и всестороннего развития имеет место *атомизация* индивидов при внешней видимости солидарности (скажем, в сетевых сообществах); *монологичность* человека в его отношениях с миром; *шизофреническая деперсонализация*, одиночество и *равнодушное бесчувствие*; *элиминация* простой человечности и теплоты из межличностных отношений, когда они замещаются инструментальным использованием человека человеком не в системе эксплуатации наемного труда, а в непосредственной повседневности присутствия. В связи с описанными механизмами борьбы за общественное признание получают распространение разного рода девиации как паллиативные попытки поиска уникальности и индивидуальности в структурах почти тотального господства *творческой* посредственности и обезличенности (рост психических заболеваний неинфекционной этиологии, гомосексуализм, половые извращения, уродование своего тела, смена полов и др.).

Если коммунизм, согласно этимологии этого слова, предполагает *общение*, являющееся, по Марксу, одной из фундаментальных атрибутивных характеристик человека (поскольку родовая сущность человека в одном из своих аспектов представляет собой «ансамбль общественных отношений»), то современная атомизация ведет к превращению непосредственного живого чувственно-практического эмпатического общения в общение информационное, «удаленное», в структурах и механизмах которого межличностные отношения все больше формализуются, а потому контакты в социальных сетях большей частью носят поверхностный и необязательный характер. Вместо того, чтобы через коммуникативные, объединяющие свойства сетей «сеять семена *нравственного* и *эмоционального сообщества*» [Cohen, 2008: 85], возникает новая парадоксальная ситуация: чем больше у человека появляется возможностей расширить круг общения, тем менее содержательными и эмоциональными становятся отношения между людьми. По сути, здесь работает формально-логический закон обратного отношения между объемом и содержанием понятия: чем *меньше* объем понятия (чем меньше «друзей» в «Фэйсбуке» и «ВКонтакте», чем меньше интеракций с ними), тем *богаче* его *содержание* (тем глубже и насыщеннее общение с друзьями подлинными). Цифровые технологии, противоречиво одновременно объединяя массово-обезличенную и межличностную коммуникации, приводят к элиминации «реального эмоционально-физического взаимодействия с Другим... В результате недостатка взаимодействия с Другим лицом-к-лицу через взгляд, речь в реальном времени, человек переживает экзистенциальный вакуум» [Албакова, 2019: 15].

Еще одно противоречие, с которым обязательно столкнется личность в новых общественных отношениях, – *интенсификация глубинных переживаний*. Если обратиться к эмпирической действительности, мы видим: проблемы экзистенциальных противоречий и душевных страданий в наибольшей степени характерны для креативных личностей. В их среде больше всего самоубийств, психических патологий и извращений. Безусловно, многие из этих явлений детерминированы «творческими поисками» и «тонкой душевной организацией». Но в будущем обществе креативных талантов такие явления будут распространены шире, а их экзистенциальная глубина переживаться интенсивнее, «глубже».

Перспективы развития универсальной личности. Непрерывное увеличение доли нематериальных факторов в структуре труда, *действенно* определяющих общее протекание жизненного процесса и внутреннюю конфигурацию общественного организма и замещение материального труда работой «умных машин», приводит исследователей к идее, что в посткапиталистическом обществе («при коммунизме», в «царстве свободы») будет господствовать свободная *нематериальная* (духовная, в пределе – *поэтическая*) креативная самореализация человека.

Однако в свете марксовой концепции человека здесь мы сталкиваемся со следующими противоречиями. Во-первых, если человек – *тотальность*, целостность тела и души, фундированная в имманентном единстве материальной и целеполагающей активности в

структуре праксиса, то радикальное развитие *только нематериальной духовной деятельности* (в ущерб деятельности материальной, «вещной», «низменной») будет представлять собой *одностороннее, одномерное развитие человека*. О какой «всесторонне» и «универсально» развитой личности можно будет в таком случае говорить, если из целостности человека будет элиминирован «вещный» труд и останется только одна «свободная творческая духовная самореализация»?

Думается, это – оборотная сторона «грязно-материальной» одномерности. Любая односторонняя деятельность (будь она хоть трижды высокодуховной) неизбежно ведет к «урезанию» универсума человеческого бытия, к элиминации из этого бытия многих форм общения, а значит, и к урезанной, ограниченной форме самого человека. Можно предположить, что коммунистический идеал *всесторонней универсальной гармоничной личности* станет результатом снятия экономической («материальной») и посткапиталистической («нематериальной», творческой) форм личности.

Межформационный переход: *inter/trans*-формация. В свете современных тенденций наиболее вероятным представляется появление не очередного способа производства в рамках «экономической» формации, не некоего супер-гипер-капитализма, а развертывание противоречивой *посткапиталистической inter/trans-формации* как длительного *переходного периода* от последней фазы вторичной формации – капитализма – к «царству свободы».

Основой имманентных социальных противоречий в посткапиталистической inter/trans-формации станут уже не экономические факторы (как во вторичной, классовой формации), а *личностные* (связанные с творческой самореализацией), *межличностные* (связанные с амбивалентным характером коммуникации) и *экзистенциальные* (связанные с экзистенциальным вакуумом, со смыслом жизни) *аспекты целостного человеческого существования*.

Таким образом, формирующееся на наших глазах в недрах современного капитализма посткапиталистическое общество с минимизацией капиталистических отношений, с господством нематериальной творческой деятельности, «умных машин» и тотальной демократии – это еще отнюдь не «коммунизм» в марксовом понимании. В нем нет самого главного, что конституирует коммунизм, а именно: *всестороннего (физического) и интеллектуального* развития целостной гармоничной личности; *полноценной и ответственной субъектной свободы* принятия решений; *снятия социальных антагонизмов* и социального отчуждения; *человеческих отношений*; отсутствия экзистенциальной опустошенности.

Заключение. Подводя итог, можно сделать ряд выводов. Существующие в глобализирующейся мир-системе посткапиталистические тенденции создают условия для развертывания *длительного межформационного перехода (inter/trans-формации)* от вторичной общественной формации к третичной (а также от капиталистического способа производства к коммунизму), где еще сохранятся социальные (не антагонистические) противоречия, которые, лишенные капиталистического базиса, переместятся из социально-экономической сферы в антропологическую, межличностную и экзистенциальную области человеческого бытия. Это, однако, не сделает их менее жуткими, поскольку порождаемые ими новые формы отчуждения будут носить более глубокий, интимный характер, что будет связано с радикальным ростом личностных, творческих, креативных сущностных сил человека.

При этом представляется преждевременным экстраполировать выявленные моменты посткапитализма на «царство свободы» вообще, представляя эти моменты уже готовыми социальными формами, структурами и механизмами неотчужденного будущего. Те формы творческой деятельности, которые имеют место сегодня в «локусах» посткапитализма, *нельзя* рассматривать как элементы коммунистического общества. В них должны быть еще преодолены многие «пережитки» капитализма: борьба за выживание (= признание) за счет подавления менее креативных; одностороннее развитие когнитивной стороны человека в ущерб физической; отождествление творческой самореализации с высшими, элитарными формами художественного и научного творчества при игнорировании

повседневных аспектов личностного самоосуществления; отсутствие развития ключевого элемента – творческих и интеллектуальных способностей *каждого* человека.

Не все эти посткапиталистические трещины/локусы и тенденции будут жизнеспособны, многие из них оказываются «пустышками» уже сегодня, но именно в этих практически реализуемых пробах и ошибках рождаются элементы нового, постэкономического, посткоммодифицированного мира человеческих отношений. Чтобы «заглянуть» *по ту сторону капитализма*, у нас нет иной стратегии, кроме как путем включенного наблюдения исследовать эти локусы реально существующего посткапитализма, со всеми их противоречиями, печальями и радостями, но самое главное – со всеми таящимися и растущими в них тенденциями и формами другого, *альтернативного, многомерного человеческого мира*. Более того, «при любом рассмотрении будущего капитализма... невозможно говорить о капитализме как о едином монолитном объекте, у которого есть одно будущее» [Delanty, 2019: 23–24].

Содержательное эмпирическое исследование возможных, альтернативных форм и путей существования человеческого общества – одно из самых интересных, перспективных и актуальных направлений марксистских социальных исследований, которые в таком своем ракурсе будут не только критически «объяснять мир», но и, открывая, эксплицируя таящиеся в настоящем тенденции и ростки будущего, способствовать «изменению» этого мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Албакова Ф.Ю. Экзистенциальные проблемы бытия в контексте развития цифровых форм коммуникаций // Вестник МИРБИС. 2019. № 2(18). С. 12–17.
- Бузалин А.В., Колганов А.И. Трансформации социальной структуры позднего капитализма: от пролетариата и буржуазии к прекариату и креативному классу? // Социологические исследования. 2019. № 1. С. 18–28.
- Давыдов Д.А. Личность и государство в терниях посткапитализма: На пути к новой антагонистической общественной формации. М.: ЛЕЛАНД, 2020.
- Мартьянов В.С. Наше рентное будущее: глобальные контуры общества без труда? // Социологические исследования. 2017. № 5. С. 141–153.
- Мартьянов В.С., Фишман Л.Г., Давыдов Д.А. Рентное общество: В тени труда, капитала и демократии. М.: НИУ ВШЭ, 2019.
- Форд М. Роботы наступают. Развитие технологий и будущее без работы. М.: Альпина-нон-фикшн, 2016.
- Яницкий О.Н. Глобализация и гибридизация: к новому социальному порядку // Социологические исследования. 2019. № 8. С. 8–18.
- Berardi F. The Soul at Work: From Alienation to Autonomy. Los Angeles, CA: Semiotexte, 2009.
- Cohen D. Three Lectures on Post-Industrial Society. Cambridge, MA; London: The MIT Press, 2008.
- Dean J. The Communist Horizon. London; New York: Verso, 2012.
- Delanty G. The Future of Capitalism: Trends, Scenarios and Prospects for the Future // Journal of Classical Sociology. 2019. Vol. 19. No. 1. P. 10–26.
- Florida R. The Rise of the Creative Class – Revisited. New York: Basic Books, 2014.
- Gorz A. L'immatériel. Connaissance, valeur et capital. Paris: Galilée, 2003.
- Holloway J. Crack Capitalism. London: Pluto Press, 2010.
- Lazzarato M. Immaterial Labor // Virno P., Hardt M. Radical Thought in Italy: A Potential Politics. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2010. P. 133–150.
- Weinstein D. Heavy Metal: A Cultural Sociology. Lanham, MD: Lexington Books, 1991.
- Wright E.O. Class, State and Ideology: An Introduction to Social Science in the Marxist Tradition. Madison, WI: University of Wisconsin, 2008.

Статья поступила: 26.06.19. Финальная версия: 11.12.19. Принята к публикации: 18.12.19.

POST-CAPITALISM AS A SOCIAL INTER/TRANS-FORMATION

KONDRASHOV P.N.

*Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia**Pyotr N. KONDRASHOV, Cand. Sci. (Philos.), Senior researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia (pnk060776@gmail.com).*

Abstract. The article continues the discussion about the probable post-capitalist global future, the reflections on which are a necessary part of the Marxist discourse: both the critical analysis of modern capitalism and the building on the basis of this analysis of the general political strategy. The author rethinks the concept of Marx that between capitalism and communism lies a long era of revolutionary transition and shows that this era can no longer be thought of as a “dictatorship of the proletariat”. It is shown that our ideas about the economic, technical and technological, political, socio-class, cultural, interpersonal and existential content of this transitional post-capitalist era directly depend on the specific historical level of development of real capitalism. Since modern capitalism is becoming more and more digital, communicative, post-industrial, cognitive, post-Fordist, Indigo-economy, and the key productive social group is the creative class (cognitariat, personaliat, socialiat), then our ideas about the near post-capitalist future are determined by this trend. However, from the author’s point of view, many Marxists (with a general rather cautious prediction of the future) hastily and unreasonably extrapolate the growth of the creative class, the increase in free time and creative activity due to total robotization, not for the transition period, but for the “Kingdom of freedom” itself, for “communism”.

Keywords: post-capitalism, social formation, inter/trans-formation, personaliat, impersonaliat, creative class, creative activity, “smart” machines, social contradictions, kingdom of freedom, self-realization.

REFERENCES

- Albakova F.Yu. (2019) Existential Problems of Being in the Context of the Development of Digital Forms of Communication. *Vestnik MIRBIS* [Herald of MIRBIS]. 2019. No. 2(18): 12–17. (In Russ.)
- Berardi F. (2009) *The Soul at Work: From Alienation to Autonomy*. Los Angeles, CA: Semiotexte.
- Buzgalin A.V., Kolganov A.I. (2019) Social Structure Transformation of Late Capitalism: from Proletariat and Bourgeoisie towards Precariat and Creative Class? *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 18–28. (In Russ.)
- Cohen D. (2008) *Three Lectures on Post-Industrial Society*. London: The MIT Press.
- Davydov D.A. (2020) *Personality and State in the Thorns of Post-Capitalism: toward a New Antagonistic Formation*. Moscow: LELAND, 2020. (In Russ.)
- Dean J. (2012) *The Communist Horizon*. London; New York: Verso.
- Delanty G. (2019) The Future of Capitalism: Trends, Scenarios and Prospects for the Future. *Journal of Classical Sociology*. Vol. 19. No. 1: 10–26.
- Florida R. (2014) *The Rise of the Creative Class – Revisited*. New York: Basic Books.
- Ford M. (2016) *Robots Are Coming. The Development of Technology and the Future of Work*. Moscow: Alpinanon-fikshn. (In Russ.)
- Holloway J. (2010) *Crack Capitalism*. London: Pluto Press.
- Gorz A. (2003) *L'immatériel. Connaissance, valeur et capital* [The Immateriality. Knowledge, Value, and Capital]. Paris: Galilée. (In Fr.)
- Lazzarato M. (2010) Immaterial Labor. In: Virno P., Hardt M. *Radical Thought in Italy: A Potential Politics*. Minneapolis: University of Minnesota Press: 133–150.
- Martyanov V.S. (2017) Our Rental Future: Global Outlines of a Laborless Society? *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 5: 141–153. (In Russ.)
- Martyanov V.S., Fishman L.G., Davydov D.A. (2019) *Rental Society: in the Shadow of Capital, Labor and Democracy*. Moscow: NIU VShE. (In Russ.)
- Weinstein D. (1991) *Heavy Metal: A Cultural Sociology*. Lanham, MD: Lexington Books.
- Wright E.O. (2008) *Class, State and Ideology: An Introduction to Social Science in the Marxist Tradition*. Madison, WI: University of Wisconsin.
- Yanitsky O.N. (2019) Globalization and Hybridization: towards a New Social Order. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 8–18. (In Russ.)

Received: 26.06.19. Final version: 11.12.19. Accepted: 18.12.19.